

Т.Г. ЛЕОНОВА

К ВОПРОСУ О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ И ПУТЯХ ДВИЖЕНИЯ БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Эпосоведам неоднократно приходилось признавать разную степень изученности материала Западной и Восточной Сибири. Наверное, отчасти поэтому в томе «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» былинная традиция Восточной Сибири представлена лучше, чем Западной [Русская эпическая поэзия 1991]. Между тем Западная и Восточная Сибирь тесно связаны процессами движения и закрепления фольклорных традиций. За Уралом, через территорию западносибирской низменности, путь первопроходцев и переселенцев лежал дальше на восток. Они несли с собой материальную и духовную культуру предков в новую природно-географическую и социально-этническую среду. В процессе движения культурных традиций какие-то из них утрачивались, иные, напротив, закреплялись, другие продолжали путь вместе с людьми. Движение культурных традиций завершалось на восточных окраинах России, где они с неизбежностью реализовывались в формах, обусловленных конкретной средой. Именно здесь оказывались более чем где-либо действенными процессы консервации и взаимодействия традиций. Таким образом эпическая традиция в конечной точке своего движения предстает не только в своей узколокальной ипостаси, но и как определенный итог единого процесса следования через всю Сибирь. Поэтому необходимо изучение каждого из этапов движения и регионов бытования традиций независимо от характера их проявления.

Представляется, что в изучении западносибирской былинной традиции можно выделить следующие основные вопросы:

1. Географическое распространение и пути движения былинной традиции в Западной Сибири.

¹ Основные положения статьи сформулированы в докладе, с которым автор выступила на международной научной конференции «Олонхо в контексте эпического наследия народов мира» [Леонова 2000].

2. Истоки западносибирской былинной традиции; процессы взаимодействия фольклорных традиций.

3. Жанровый и сюжетный состав произведений о былинных героях (по местным записям).

4. Поэтика былин и сказок о былинных героях в их соотношении и на фоне эпических традиций других регионов.

5. Динамика былинной традиции в контексте современной культуры.

В данной статье главным объектом внимания является первый из поставленных вопросов. Он неоднократно освещался в работах как дореволюционных собирателей и исследователей, так и наших современников. В трудах С.И. Гуляева, В.Ф. Миллера, В.Г. Богораза, М.К. Азадовского и других ученых вполне обоснованно утверждались идеи о том, что сибирская эпическая традиция изначально восходила к северорусским истокам (ее распространение в Сибири сопутствовало процессу продвижения русских на восток водным путем — реками и их притоками, а позже — Московским трактом) и что главные очаги былинной традиции были сосредоточены в бассейнах рек².

В Западной Сибири благодаря собирательской деятельности С.И. Гуляева³ и его корреспондентов к середине XIX в. определился главный очаг былинной традиции — Алтай. Признание за Алтаем особой роли в сохранении эпической традиции, казалось бы, не должно отрицательно влиять на оценку материалов других районов Западной Сибири. Между тем подобное происходило и происходит главным образом потому, что исследователями допускались неточности в определении районов бытования былинной традиции и путей ее движения, неполнота использования источников.

Так, В.М. Сидельниковым в его книге «Былины Сибири» к Алтайскому краю причислены не только пограничные с ним Ордынск и Сузун, но и весьма отдаленные от него населенные пункты Новосибирской обл. (Завьялово, Красноярская, Огурцово, Старый Тартасс, Усть-Тарка), из которых лишь один приблизительно обозначен на карте, отражающей ареалы записи былин [Сидельников 1968, 397—399 (см. также прим. к текстам № 34—40)]. В приведенном «Списке населенных пунктов, где

² Ср. у современных исследователей: [Кошелев 1963, 3—66; Дмитриева 1975, 85—87; Русская эпическая поэзия 1991, 9—48].

³ Наиболее полно о С.И. Гуляеве и его материалах см. [Кошелев 1962, 33—83].

производилась запись былин Сибири» [Сидельников 1968, 410] Новосибирская обл. вообще отсутствует, а Омская помещена между Иркутской обл. и Бурятской АССР. Сам же материал по Омской обл. опубликован между разделами «Иркутские записи» и «Русский эпос на Крайнем Севере», хотя логичнее было бы сначала дать весь материал по Западной Сибири, а потом уже по Восточной.

В исследовании С.И. Дмитриевой на карте распространения героических былин в Сибири в конце XIX — начале XX в. обозначены лишь Барнаул и Бийск [Дмитриева 1975, 45]; автором не приняты во внимание факты записи былин на территории Новосибирской обл. (согласно современному административному делению) корреспондентами С.И. Гуляева — Д.П. Соколовым и А.И. Лазебниковым [Гуляев 1952, № 3, 6—7, 13—15, 17—19, 22—23, 26—28 (см. также прим. к текстам)].

Ю.И. Смирнов выделяет два региона Западной Сибири, где были сделаны записи текстов былин: 1) бассейн Оби и Иртыша, 2) Алтай. К Алтаю он относит Туву и отрывает от него верховья Иртыша, что вызывает определенные сомнения [Русская эпическая поэзия 1991, 482]. В том же издании во вступительной статье, на наш взгляд, могли бы быть оценены записи былин, сделанные А.И. Лазаревым и др. в 1950-е гг. на территории Новосибирской обл.⁴, а также представлены в корпусе текстов сказки о богатырях не только Восточной, но и Западной Сибири.

Идея связи народных сказок о богатырях с былинной традицией получила наиболее развернутое обоснование в исследовании А.М. Астаховой [Астахова 1962], однако в нем использован всего один западносибирский источник — текст, записанный в 1953 г. в с. Муромцево Омской обл. [Сказки 1955, 85—87 (см. текст № 12 и прим. к нему)]. Поскольку речь идет о географическом распространении сюжетов былин и о путях движения былинной традиции, заметим, что история названного села восходит к XVII в. Сейчас рабочий поселок Муромцево — центр района, расположенного главным образом между реками Иртыш и Тара, через территорию которого в прошлом проходил Московский тракт. Далее мы будем давать краткие сведения о расположении мест фиксации былинных сюжетов на карте Западной Сибири.

Известны и другие публикации сказок Западной Сибири на былинные сюжеты. Из до-

⁴ Почти полный перечень публикаций этих записей см. в [Смирнов 1986, 251, 253, 256, 258, 268, 273, 274].

революционных публикаций можно назвать текст, записанный А.Н. Зыряновым в Шадринском у. (то есть на территории современной Курганской обл.) и опубликованный впервые в 1867 г. [Зеленин 1997, 341—342, 454, 573—574 (см. текст № 96 и прим. к нему)], и текст, записанный Г.Н. Потаниным в Бийском у. Томской губ. (по современному административному делению это Алтайский край) и впервые опубликованный в 1902 г. [Сидельников 1968, 191 (№ 32); Русские сказки 2000, 145 (№ 58)]. Из публикаций советского времени первым по времени можно считать текст, использованный А.М. Астаховой (см. выше). Далее в хронологической последовательности следует назвать публикации 1950 — 1980-х гг.:

1. Тексты в записях экспедиций Бийского и Новосибирского пединститутов [Сидельников 1968, 197—204 (№ 38—40)] в с. Завьялово и Старый Тартас Новосибирской обл. (второе село называется по р. Тартас, притоку р. Омь, впадающей в Иртыш около г. Омска).

2. Сказка, записанная И.С. Коровкиным [Сказки Омской области 1968, 70—75; Сибирские сказки 1973, 110—117] от А.С. Кожемякиной⁵, родившейся и прожившей до пятидесяти лет в Большеуковском р-не Омской обл., который был одним из очагов сказочной традиции. Через этот район проходил Московский тракт.

3. Сказка в записи участников экспедиции Омского пединститута [Сказки 1982, 90—94 (№ 29)] в д. Качесово Муромцевского р-на Омской обл. С Качесовым, как и с рядом других деревень, связано сооружение Омской крепости в 1716 г. и прокладка дороги на север с переправой через Иртыш у Такмыкской слободы [История 1994, 8].

4. Текст в записи М.Н. Мельникова [Мельников 1984, 38—61] от А.Е. Егоровой в д. Ичкала Северного р-на Новосибирской обл. Районный центр Северное стоит на р. Тартас, притоке р. Оми, впадающей в Иртыш; р. Ича — тоже приток р. Оми.

Названные публикации дают дополнительный материал для определения мест возможного бытования и путей движения былинной традиции на восток Западной Сибири. В частности, в Омской и Новосибирской обл. места записи сказок на былинные сюжеты, как можно заметить из приведенных данных, — это старожильческие поселения в бассейнах рек, связанных между собою притоками, расположенные или вдоль бывшего Московского трак-

⁵ В других сказках А.С. Кожемякиной отмечается связь с элементами поэтики былин (см. об этом: [Коровкин 1973, 8; Каргаполов 1976, 74—76]).

но назвать в Шадрин-временной (№ 58)), и текст, том у. Том-стративно-и впервые (№ 58)), первым по-зованный в хроноло-ет назвать Бийского Сидельни-с. Завья-ской обл. притоку г. Омска). ювкинским 5; Сибир-Кожемя-о пятиде-ской обл., чной тра-сковский еспедиции 2, 90—94 того р-на дом дру-ской кре-а север с-ской сло-за [Мель-й в д. Ич-обл. Рай-тас, при-). Ича — лнитель-возмож-ылиной 1. В част-л. места как мож-с, — это (нах рек, располо-ого трак-й отмеча-1. об этом -76)).

та, или на его пересечении с водными путями движения. Отметим также, что все места фиксации былинных сюжетов находятся в районах, в разной степени отдаленных от областных центров к северу. Здесь до времени записи опубликованных текстов работа по сборанию фольклора никогда не велась.

Особое внимание необходимо уделять архивным материалам, поскольку даже отдельный факт, выявленный на основе архивных данных, может иметь принципиальное значение. Так, в публикации из архива Б.Г. Кубалова были приведены фрагменты перевода дневника Э. Андреоли «Из Польши в Сибирь», где содержался пересказ сказки об Илье Муромце с эпизодом о его исцелении [Леонова 1980, 20—24]. По мнению Ю.И. Смирнова, «<...> фиксация этого сюжета даже в такой форме оказалась первой в Сибири» [Смирнов 1986, 272]. Судя по контексту дневника, Э. Андреоли слышал сказку во время одной из остановок по пути на каторгу, при движении через Западную Сибирь.

К настоящему времени из архивных материалов по Западной Сибири Ю.И. Смирнов опубликовал текст былины «Илья и турок» и текст с напевом былины «Илья и татарин» [Русская эпическая поэзия 1991, № 87, 237 (см. также прим. к этим текстам)]. Он также учел неопубликованные тексты на былинные сюжеты из фольклорного архива Томского университета и из материалов М.Н. Мельникова [Смирнов 1986, 251 (№ 6), 253 (№ 22), 258 (№ 41), 268 (№ 107)], а также в записи П.А. Городцова и Н.Е. Ончукова [Смирнов 1991, 214 (№ 70, 72)]. Введение в научный оборот материалов, собранных П.А. Городцовым в 1906—1908 гг. и Н.Е. Ончуковым в 1926 г. в междуречье р. Тура, Тобол и Тавда в ряде сел бывшего Тюменского у. Тобольской губ. (территория современной Тюменской обл.), на наш взгляд, может иметь первостепенное значение для изучения эпической традиции в Западной Сибири. Во-первых, собранные П.А. Городцовым и Н.Е. Ончуковым материалы — это свидетельство существовавшей в названном междуречье богатейшей эпической, в широком смысле, традиции — былин, сказок, произведений несказочной прозы⁶. На основе личных

⁶ О собранных П.А. Городцовым и Н.Е. Ончуковым материалах, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее — РГАЛИ), см.: [Иванова 1982, 133—134]. Более полные сведения о записях П.А. Городцова мы даем на основе своих разысканий в названном архиве в период работы по подготовке к изданию тома «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Вол-

записей Городцовым созданы рукописные сборники «Демонология и животный мир», «Животный эпос и детские сказки», «Сказки и легенды» (т. 1—3)⁷, Ончуковым — собрание «Тавдинские сказки» [РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 74, 84, 85]. Определенное представление о собранных материалах дает их обзор, опубликованный Н.Е. Ончуковым [Ончуков 1927, 26—31], и использование им тавдинских записей в качестве сравнительного материала для характеристики разных сказочных традиций [Ончуков 1934, 405]. Во-вторых, эти материалы имеют значение для изучения собственно былинной традиции в Западной Сибири, географии ее распространения и путей проникновения. Среди записанных Городцовым и Ончуковым текстов есть сказки о богатырях. Впервые среди прочих сказок они упомянуты в печати Н.Е. Ончуковым [Ончуков 1927, 27, 30], сравнительно недавно введены в перечень неопубликованных текстов Ю.И. Смирновым [Смирнов 1991, 214 (№ 70, 72)]. В обоих случаях названо по два текста, но есть расхождение в данных об исполнителе, от которого (или от которых) вел запись Городцов⁸.

Тексты в записях Городцова и Ончукова включают сюжеты об Илье Муромце, о Святогоре, о Добрыне и Алеше, Добрыне и Соловье. Если принять точку зрения, что сказки на былинные сюжеты могут быть оценены как «свидетельство бытования былин в местах, где они записаны XVIII — XX веков не зафиксированы» [Астахова 1962, 5], то данное положение может быть вполне приложимо к названным текстам. В связи с этим должны рассматриваться и некоторые другие материалы фонда Н.Е. Ончукова. Так, следует принять во внимание упоминание Ончуковым еще об одном сказочнике, тоже знавшем сказки про Илью Муромца, — о П.С. Шаламове, жившем в поселке недалеко от с. Еремино [Ончуков 1927,

шебные. О животных» (Сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. Новосибирск, 1993) из академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

⁷ Названные рукописи П.А. Городцова хранятся в РГАЛИ в фонде Н.Е. Ончукова: Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 80, 175—176, 180—182.

⁸ О записи сказки об Илье Муромце в д. Артамонова на р. Тоболе от О.М. Заякина см. в [Ончуков 1927, 30]. О записи пересказа сюжета об исцелении Ильи Муромца в с. Плехановское от Д.Н. Плеханова см. в [Смирнов 1991, 214]. Думается, что П.А. Городцовым сделано все-таки две записи, как и обозначено в архивных материалах [РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 182. П.А. Городцов. Сказки и легенды. Т. III. Л. 85 и Л. 126об].

28]. Упоминание такого рода — еще один аргумент в пользу бытования сюжета об Илье Муромце.

В ходе дальнейших исследований было бы желательно провести работу по выявлению элементов поэтики былин в прочих сказках, собранных П.А. Городцовым и Н.Е. Ончуковым. Необходимо также учесть все факты, характеризующие отношение носителей традиции к былинным событиям и героям. В этом смысле представляют интерес слова Д.Н. Плеханова, от которого записано около тридцати сказок, переданные П.А. Городцовым: «<...> всё, о чем в сказке говорится, было на самом деле, всё это было в действительности. Были сильно могучие богатыри и храбрые витязи, были и разные чудовища и страшилища. Теперь же ничего этого не стало <...>» [РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 181. П.А. Городцов. Сказки и легенды. Т. 2. Л. III]. Отношение к повествованиям о богатырях и их действиям как к имевшим место в действительности было характерным для времени активного бытования былин. Подобное отношение могло поддерживать жизнь и в устной традиции сказок о богатырях.

В заключение хотелось бы привести весьма категоричное суждение Н.Е. Ончукова — «На Тавде былины несомненно были» — и его мнение, что среди тавдинских сказок, записанных им и П.А. Городцовым, «<...> есть сказки, несомненно, разложившиеся из былины (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и др.)» [Ончуков 1934, 405].

Таким образом, материалы Городцова и Ончукова — записанные ими тексты, их суждения и наблюдения над бытованием сказок о богатырях — расширяют наши представления о районах вероятного распространения былин на территории современной Тюменской обл.

Что же касается роли междуречья р. Тура, Тобол и Тавда в продвижении былинной традиции на восток, то оно было в своем роде форпостом выхода русских первопроходцев и переселенцев на просторы Западной Сибири. Именно отсюда пролегали их пути-дороги к местам основания первых городов — Тюмени (год основания — 1586), Тобольска (1587), Тары (1594) и на Алтай.

Рассмотрение вопроса о путях проникновения былинной традиции на Алтай, о значении в этом процессе междуречья Тура-Тобол-Тавда может быть связано с публикациями по результатам архивных разысканий екатеринбургского историка-краеведа И.М. Шакинко [Горелов 1996]. Они также дают дополнительные аргументы для решения еще одного во-

проса — связи сборников «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым» и «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С.И. Гуляева». Обнаруженные И.М. Шакинко документы — это письма 1739—1742 гг. горнозаводчика А.Н. Демидова, в которых упоминается Кирша Данилов. Из писем ясно, что по поручению А.Н. Демидова Кирша Данилов бывал на Барнаульском заводе и добирался туда водным путем, который первооткрывателем писем И.М. Шакинко определен так: из Нижнего Тагила «<...> струги и дощаники плыли по рекам Тагил, Тура и Иртыш и везли на Алтай разные изделия демидовских заводов» [Горелов 1996, 99]. Здесь, видимо, пропущен участок пути по Тоболу от впадения в него р. Туры и до впадения Тобола в Иртыш. Другого пути из Туры в Иртыш, как нам представляется, не было. Следуя таким маршрутом, К. Данилов не мог миновать междуречья, обозначенного Н.Е. Ончуковым, и, будучи певцом, что убедительно доказано А.А. Гореловым [Горелов 1996], сам способствовал передаче песенной традиции с Урала в Западную Сибирь, на Алтай и обратно. Данные недавно открытых архивных материалов позволяют предположить возможные контакты К. Данилова с кем-либо из талантливых исполнителей в дороге и на самом Алтае.

Обосновывая мысль о возможности движения народной поэзии теми же путями, которыми шли переселенцы через Тюмень и Тару в Восточную Сибирь или из бассейнов р. Ишим, Тобол, Иртыш в южную часть Западной Сибири — на Алтай, Я.Р. Кошелев писал: «Сюда <...> нас уводит, в частности, история рода алтайского сказителя Л.Г. Тупицына» [Кошелев 1963, 16]. О родословной и личности Леонтия Гавриловича Тупицына известно из писем С.И. Гуляева в Этнографическое отделение Русского географического общества (от 28 февраля 1871 г.) и Л.Н. Майкову (от 21 ноября 1871 г.) [Гуляев 1952, 299—303; Русская эпическая поэзия 1991, 374]. Особый интерес представляют содержащиеся в письмах сведения о прадеде Л.Г. Тупицына Лазаре. Хотя в указанных нами источниках есть разночтения, из них ясно, что Лазарь был уроженцем Олонецкой губ., на Алтай попал с р. Ишим, поселился в пяти верстах от Барнаула, когда Демидовым уже были основаны Колыванские заводы и вводился в действие Барнаульский (основан в 1739 г.). Заметим, что р. Ишим, приток Иртыша, протекает по территории современной Тюменской обл. почти параллельно с р. Тоболом и впадает в Иртыш около с. Усть-Ишим Омской обл. Таким образом, Лазарь мог

прибыть на Алтай путем, в значительной части совпадающим с тем, которым ехали посланцы Демидова. Из писем также известно, что прадед Л.Г. Тупицына Лазарь, дед Иван, отец Гаврило — «все они знали много былин, песен и преданий» [Гуляев 1952, 301].

Примечателен также следующий факт. В то же самое время, когда Лазарь Тупицын поселился недалеко от Барнаула, Кирша Данилов приезжал на Барнаульский завод. Следовательно, Лазарь Тупицын и Кирша Данилов были современниками и как выдающиеся певцы, вероятно, знали друг о друге и, может быть, общались. Судя по всему, между Уралом и Алтаем существовали не только экономические, но и культурные связи. С.И. Гуляев сообщил в письме Л.Н. Майкову: «На Тупицына, как певца былин, указал мне переселившийся в Барнаул из Верхотурья мещанин Моисей Тренихин» [Гуляев 1952, 299]. Следовательно, на Урале, будь то Верх. Тура (50—60 км от Нижнего Тагила), Верхотурье (примерно на 100 км еще дальше) или Верхотурье как название местности, спустя более ста лет после того, как на Алтае обосновался Лазарь Тупицын, знали как певца его правнука, Леонтия Тупицына. Этот факт может стать поводом для дальнейших разысканий.

Конкретные данные, указывающие на культурные связи Урала и Алтая (выезды К. Данилова на Алтай, известность Л.Г. Тупицына на Урале), в определенной мере могут быть основанием для объяснения сходства текстов из сборника Кирши Данилова и гуляевского собрания. Это сходство давно отмечено самим С.И. Гуляевым и исследователями его наследия [Азадовский 1978, 128; Кошелев 1962, 50]. Письма А.Н. Демидова проливают свет на биографию реального лица — Кирши Данилова, что должно стимулировать исследователей пересмотреть историю создания сборника «Древние российские стихотворения». В этой связи представляется возможным определить сборник Кирши Данилова как урало-сибирское собрание былин.

Исходя из верного, на наш взгляд, положения Б.Н. Путилова о том, что сборник К. Данилова отражает «<...> с большой достоверностью живую фольклорную традицию» [Путилов 1977, 379], считаем обоснованным предположение о наличии в нем какой-то части былин, известных как его создателю (или создателям), так и Лазарю Тупицыну, а от него,

⁹ О разных версиях создания сборника см. [Кошелев 1963, 19—42; Путилов 1977, 372—394; Русская эпическая поэзия 1991, 42—43; Горелов 1998].

через Ивана и Гаврилу, — Леонтию, от которого вел запись С.И. Гуляев. Этот факт дает пример прочности традиции не в трех, как заметили В.Ф. Миллер и М.К. Азадовский [Азадовский 1978, 128—129], а в четырех поколениях.

Водный маршрут следования Кирши Данилова с Урала на Алтай в то же время является путем движения эпической традиции, доказательством чего следует считать факты записи сказок на былинные сюжеты в междуречье Тура-Тобол-Тавда и в Омском Прииртышье. Другой путь движения традиции — через Тюмень и Тару на восток — тоже отмечен фиксацией подобных сказок и редкими записями былин на стадии угасания жанра в Новосибирской и Томской обл.

Таким образом, даже те далеко не полные материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, позволяют заметить, что следы бытования былинной традиции охватывают значительную часть территории Западной Сибири. По всей видимости, прав М.К. Азадовский, считавший, что «<...> былины были распространены очень широко по всей Сибири, и только отсутствие интенсивной собирательской работы помешало своевременно охватить сибирский репертуар в полном виде» [Азадовский 1929, 427].

Литература

- Азадовский 1929 — Азадовский М.К. Былины и исторические песни // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. С. 427.
- Азадовский 1978 — Азадовский М.К. Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае // Азадовский М. Статьи и письма: неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 111—139.
- Астахова 1962 — Астахова А.М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962.
- Горелов 1996 — Горелов А.А. Кирша Данилов — реальное лицо // Русский фольклор. Т. XXVIII. СПб., 1996. С. 97—110.
- Горелов 1998 — Горелов А.А. П.С. Богословский — исследователь сборника Кирши Данилова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 280—297.
- Гуляев 1952 — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С.И. Гуляева. Новосибирск, 1952.
- Дмитриева 1975 — Дмитриева С.И. Географическое распространение былин. М., 1975.
- Зеленин 1997 — Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии / Изд. подгот. Т.Г. Иванова. СПб., 1997.
- Иванова 1982 — Иванова Т.Г. Н.Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Русская литература. 1982. № 4. С. 126—137.
- История 1994 — История Муромцевского района / Под ред. П.П. Вибс. Муромцево, 1994.

Каргаполов 1976 — *Каргаполов Н.А.* Сказки А.С. Кожемякиной // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1984. С. 70—81.

Коровкин 1973 — *Коровкин И.С.* Об А.С. Кожемякиной и ее сказках // Сибирские сказки. Записаны И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной. Новосибирск, 1973. С. 3—10.

Кошелев 1962 — *Кошелев Я.Р.* Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962.

Кошелев 1963 — *Кошелев Я.Р.* Вопросы русского фольклора Сибири. Томск, 1963.

Леонова 1980 — *Леонова Т.Г.* Свидетельство Э. Андреоли о бытовании сказок и преданий в Сибири в середине XIX века // Фольклор и литература Сибири. Омск, 1980. С. 12—24.

Леонова 2000 — *Леонова Т.Г.* Былинная традиция в Западной Сибири: к вопросу о географическом распространении и путях движения // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира: Тез. докл. междунар. науч. конф. Якутск, 2000. С. 8—9.

Мельников 1984 — *Мельников М.Н.* Сказки Васюганья. Новосибирск, 1984.

Ончуков 1927 — *Ончуков Н.Е.* Сказки Тавдинского края // Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927. С. 26—31.

Ончуков 1934 — *Ончуков Н.Е.* Сказки одной деревни // Сергею Федоровичу Ольденбургу: Сб. статей. Л., 1934. С. 399—412.

Путилов 1977 — *Путилов Б.Н.* Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 361—404.

Русская эпическая поэзия 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск, 1991. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Русские сказки 2000 — Русские сказки и песни в Сибири. СПб., 2000.

Сибирские сказки 1973 — Сибирские сказки. Записаны И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной. Новосибирск, 1973.

Сидельников 1968 — *Сидельников В.М.* Былины Сибири. Томск, 1968.

Сказки 1955 — Сказки, пословицы, загадки / Ред., подгот. текстов, сост. В.А. Василенко. Омск, 1955.

Сказки 1982 — Фольклор Западной Сибири: Сказки / Под ред. Т.Г. Леоновой. Омск, 1982.

Сказки Омской области 1968 — Сказки Омской области. Записаны И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной. Новосибирск, 1968.

Скрыбыкина 1995 — *Скрыбыкина Л.Н.* Былины русского населения северо-востока Сибири. Новосибирск, 1995.

Смирнов 1986 — *Смирнов Ю.И.* Русские эпические сюжеты в Сибири и на Дальнем Востоке // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 244—299.

Смирнов 1991 — *Смирнов Ю.И.* Материалы к изучению русской эпической поэзии Сибири и Дальнего Востока // Проблемы текстологии фольклора: Русский фольклор. XXVI. Л., 1991. С. 208—226.

В.А. МОСКВИНА

ПИСЬМЕННАЯ ЗАГОВОРНАЯ ТРАДИЦИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В настоящее время в связи с усилением внимания исследователей к письменному фольклору особую актуальность приобретает проблема бытования заговоров в письменной форме. В разное время ученые обращались к данной теме: Е.Н. Елеонская реконструировала заговорную традицию XVII — XVIII вв. и определила ее специфику на основе анализа рукописных заговоров и судебных дел о знахарстве и колдовстве [Елеонская 1994], З.И. Власова сопоставила устную и письменную традиции бытования заговоров [Власова 1972], Л.В. Фадеева обратила внимание на некоторые особенности собирания и изучения письменных заговоров [Фадеева 1995]. Важной проблемой, до сих пор еще не поднимавшейся в фольклористике, является изучение региональной специфики письменных заговоров. Обратимся к анализу западносибирской традиции, известной автору не только по публикациям, но и по собственным полевым наблюдениям.

Письменная заговорная традиция включает в себя письменные по происхождению тексты, а также устные заговоры, одним из способов бытования которых является их письменная фиксация. На сегодняшний день данных по западносибирской письменной заговорной традиции немного, но даже тот материал, которым мы располагаем [Гуляев 1848, 52; Вербитский 1863, 56; Майков 1994; Городцов 1916; РКОФ 1997], может дать представление об особенностях ее бытования¹.

Первые сведения о бытовании рукописных заговоров в Западной Сибири относятся к XVII в. В этом смысле чрезвычайно ценны разыскания С.В. Бахрушина, который, изучая особенности материальной культуры сибиряков, огромное внимание уделял их духовной культуре. Так, в статье о снаряжении русских промышленников Сибири ученый отметил, что они брали с собой в тайгу иконы, богослужебные книги, духовные рукописи, а вместе с ними «ворожебные письма», «заговоры», «привороты» [Бахрушин 1951, 90]. Другую

¹ В статье также используются материалы фольклорного архива кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета (далее — ФА ОмГПУ) и личного архива автора (далее — АА).